

Фоменкова Ирина Васильевна родилась в городе Иваново (Россия) 20 апреля 1943 года в семье военнослужащего.

В 1950-1959 г.г училась в школе г.Гродно.

В 1960г. закончила среднюю школу в Петропавловске-Камчатском по месту службы отца.

В 1965г. закончила историко-филологический факультет Гродненского пединститута имени Я.Купалы.

1965-1969гг-работала учителем начальных классов в СШ №12 г.Гродно,

1969-1978гг-учителем русского языка и литературы в СШ №19 г.Гродно,

1978-1988гг-методистом, заведующей политико-массовым отделом Гродненского областного Дворца пионеров и школьников,

1988-1998гг-учителем истории в СШ №13г.Гродно,

1998-2003гг-руководителем клуба учителей-поэтов при Гродненском городском Доме учителя,

2003-2008гг-секретарем-переводчиком при незрячем специалисте в Гродненской школе –интернате для слепых и слабовидящих детей.

За педагогический труд награждена Бронзовой медалью ВДНХ, грамотой Министерства образования БССР, Почетными грамотами Отделов образования Гродненских облисполкома, гор - и райисполкомов.

В1976г. закончила двухгодичный факультет общественных корреспондентов при областной газете «Гродненская правда». Печатает очерки, рассказы в«Гродненской правде» с 1975г.

С 2000г повести, рассказы, эссе И.Фоменковой напечатаны в республиканских журналах и газетах «Новая Немига литературная», «Дефектология», «Женская газета», «Домашняя газета», («Толока»), в областных

газетах «Перспектива», «Савецкая веска», в коллективных сборниках «Галасы» (2004-2005г.г), «Голос надежды» (2004,2007г.г).

В 2006г. в Гродно вышла первая книга И.Фоменковой «Радости и печали».

В 2007г.-вторая книга «Трепет листа». Сборники повестей, лирических рассказов вместили в себя произведения разных лет о человеческих судьбах, характерах. Бережно отточенным литературным языком Ирина Фоменкова раскрывает неповторимость человеческой души. В 2008г.Ирина Васильевна Фоменкова принята в Союз писателей Беларуси.

Ирина Фоменкова

Вечерний звон

(новелла)

С наступлением темноты травы становятся высокими, а ветки деревьев, подсвеченные из окон дачной веранды, словно прочерчены фломастером. В такие вечера, наработавшись за день, Аня любила уютно устроиться у камина. Она разжигала приготовленные мужем полешки. Ни луны, ни ветра. И к Ане подбирались воспоминания, такие же тихие и значительные, как этот час на исходе дня.

Вчера по телевизору потрясающе похожая на маму бабулечка у знакомых Ане древних стен Суздаля слегка окающим говорком обращалась прямо к ней, Ане:

- Не отчаивайтесь! Заполняйте жизнь трудом и духовностью, радуйтесь - и все будет хорошо.

Сегодня целый день этот тихий голос звучал в ней. Она смотрела на теплые огоньки в камине, и ей казалось, что этот свет идет от мамы. Ох, если бы завтра проснуться рано утром и увидеть мать, хлопчущую по хозяйству, почувствовать ни с чем не сравнимый запах родного дома. Встать, подойти к ней, обнять. Кроме мамы, ни к кому на свете невозможно так сладко прижаться и поплакаться. Только она умела так мудро говорить, так хорошо молчать...

Однажды, в далеком-далеком детстве, затаив дыхание, Аня спросила:

- Мама, ты ведь никогда не умрешь?

- Умру, доченька, - ответила мама. - Что бы это было на Земле, если бы все жили и жили. Земля такая маленькая. Надо место внукам уступать.

Только теперь, когда Аня сама стала бабушкой, она поняла смысл этих слов, и какая-то особая сила любви к матери хлынула из ее сердца.

Судьба много лет назад связала ее жизнь с Беларусью, хотя родом была из российской глубинки – из Владимира. Последний раз она видела маму живой три года назад. Она поехала в родные места навестить ее, и мама предложила на День Святой Троицы съездить в Суздаль.

- Суздаль! - радостно воскликнула Аня. - Это же Золотое кольцо России, это же история.

- Это еще и храмы, - тихо и значительно сказала мама.

Аня вспомнила, что ее дед в далеком прошлом был священником.

В дороге Аня наслаждалась древними, как былины, названиями городов, приближающих ее к Суздалью: Гаврилов-Посад, Боголюбово, Юрьев-Подольский. В этих местах князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (прозванный так, потому что у него было двенадцать детей) приказал строить церковь Покрова на реке Нерли, ставшую образцом ростово-суздальской архитектуры XIII-XIV веков.

Суздаль выплыл из-за горизонта волшебной сказкой: на изумрудно-зеленой равнине белыми лебедями в золотых коронах вознеслись к бескрайнему небу соборы. В воздухе плыл перезвон колоколов. И все это не нарушало, а, наоборот, подчеркивало вечный покой, разлившийся по земле.

Колокольные вариации звучали то взволнованным монологом, то бегущим хрустальным родником, заполняя сердце и вселенской печалью, и радостью воскрешения. Люди, красивые и торжественные, шли в храм, где скоро должно было начаться праздничное богослужение. Аня накинула на голову припасенную мамой кружевную косынку и вошла в церковь.

Мама, я же совсем не знаю молитв! – с отчаянием сказала она.

- Молись душой и сердцем, - ответила мама.

И Аня, обратив взор на иконы, выбрала самую близкую ей и понятную – икону Божьей Матери – и стала шептать, осеняя себя крестом непослушной, не привыкшей к этому священнодействию рукой: - Святая Богородица! Ты меня услышишь, ты меня поймешь! Ты тоже мать! Я ничего не прошу себе, у меня все хорошо. Но дай силы моим так быстро повзрослевшим сыновьям, помоги им выжить в этой новой трудной жизни!

Она остановилась и, немного подумав, продолжила:

- Божья Мать! Всели в моих детей веру и надежду, не дай им отчаяться!

Аня внимательно всмотрелась в божественный лик, и ей показалось, что эти грустные глаза осветились любовью, обращенной к ней...

После богослужения Аня предложила посмотреть знаменитый музей деревянной архитектуры. Там, под открытым небом, как в хороводе, собрались из разных концов России нарядно-ажурные терема и церквушки. В одну из них, где уже давно не проводились богослужения, они вошли. Их объял древний

покой и ни с чем не сравнимый запах теплого дерева. Вдруг откуда-то сверху, из-под купола, послышалось:

Вечерний звон! Вечерний звон!

Как много дум наводит он...

В тишине полупустого храма звучала обыкновенная магнитофонная запись песни в исполнении Ивана Козловского. Особая акустика превращала распевную мелодию, широко, свободно льющуюся, в философское сказание о вечности души. Вместе с тем каждый звук существовал как бы отдельно и выполнял свое высокое предназначение. Слышно было даже, как певец профессионально вдыхает воздух перед новым взлетом голоса, и это создавало иллюзию его присутствия совсем рядом...

Навсегда запомнит Аня и этот момент единения небесного и земного, и то, как она прижалась тогда к маме с запоздалой и печальной нежностью...

...Угольки в камине тлели еще живыми всполохами огоньков. И Ане показалось, что снова звучат полузабытые слова:

И крепок их могильный сон;

Не слышен им вечерний звон.

Ирина Фоменкова

Горькая ягода

(рассказ)

Колеса вагона мерно отстукивали свой ритм, но эта размеренность, всегда успокаивающая Асю в дороге, сейчас мешала, как и все, что держало ее в тревожном плену уже почти год.

Кто-то в купе включил радио, и в душу полилась полузабытая песня, словно списанная с ее судьбы:

Сладку ягоду рвали вместе,

Горьку ягоду — я одна...

Ася подумала, что ее отчаянный план вроде начал осуществляться: ей удалось незаметно от мужа устроиться в том же вагоне, и теперь поезд мчал их в одном направлении. В конце концов, сколько можно изображать молчаливое благородство, делать вид, что ничего не знаешь, не видишь, не чувствуешь!

Она знала, что ее Артем едет к другой женщине, страстные письма которой (и фото, где они вдвоем с Артемом потрясающе счастливые) она нашла несколько месяцев назад. Все это время старалась сдерживать горечь обиды и сохранить семью прежде всего ради дочки и сына. Ася выдавливала из себя видимость безмятежности, молчала, стиснув зубы, когда он лгал, что был в очередной командировке по своим спортивным делам. Но стена нарастающего отчуждения

между ними незримо росла. Артема все раздражало, все у него как-то не ладилось: то обжегся, разжигая костер на даче, то сплошные травмы и неудачи у учеников на соревнованиях... Их дети, такие здоровенькие, начали вдруг болеть, да так тяжело и подолгу! Ася заметила, что даже цветы в доме, так красиво цветущие раньше, словно перестали расти. Наверное, иммунитет в напряженной атмосфере их дома был так резко ослаблен, что любой вирус быстро овладевал пространством, где когда-то жила такая красивая и спокойная любовь. Когда Ася рассказала родителям Артема, так любимым ее и внуков, что у их сына практически вторая семья, они не поверили: их семью все считали идеальной.

Колеса вагона стучали, назойливыми молотками отдаваясь в висках. Что она сделает утром, когда поезд будет подъезжать к Минску? Что?

Утро декабрьского дня занималось пасмурно и хмуро. Снег падал так густо, словно небо хлопьями ложилось на землю. Ася стояла у окна вагона в узком проходе. Артем приближался к ней, и она мобилизовала всю свою волю, чтобы улыбнуться на его изумление и плохо скрываемую злость.

— Ты почему здесь? — прошипел он. — Шпионишь за мной?!

— Ну что ты! — пыталась она отдалить момент всплытия истины из омота их отношений.

— Артем! — заторопилась она. - Я решила вот так, сюрпризом, побыть с тобой выходные. Мы так редко стали бывать вместе! Дети – у моей мамы. Пока ты будешь на соревнованиях, я по городу погуляю.

— Артем! — вдруг почти закричала она. — Что в этом такого? — и тут же увидела его страх. Он испугался того, что должно произойти на перроне через несколько минут.

«Значит, она будет его встречать,» — поняла Ася.

И тут ее муж сделал страшный жест: он резко отодвинул ее сильной рукой и быстро пошел к выходу, он выталкивал ее из своей жизни. Он уходил от нее.

Ася пошла следом в потоке выходящих пассажиров.

На перроне она оглянулась. Артем как сквозь землю провалился. Недалеко сквозь снежную пелену она увидела женщину. Ася узнала ее сразу. Ей вдруг показалось, что женщина чем-то неуловимо похожа на нее, только ростом неестественно маленькая. Ася решительно направилась к ней и по ее округлившимся от страха глазам поняла, что та тоже узнала ее. «Только не унижаться!» — лихорадочно стучало в мозгу.

— Вы встречаете моего мужа? Пойдите! — в ее голосе зазвучали непрощенные нотки мольбы. — Зачем? Зачем вы все это делаете? Мы прожили с Артемом пятнадцать лет. У нас двое детей, вы не представляете, что вы уничтожаете! У нас все было прекрасно! Поверьте: он весь измотался, изоврался, издергался...

Женщина молча метнулась в сторону. «Господи, не догонять же ее! — устало подумала Ася. Поле ее сознания сузилось в одну болевую точку где-то около сердца. «Зачем я здесь? Что я здесь делаю?» — отрешенно думала она, не ощущая толчков идущих мимо нее людей.

Она медленно пошла в сторону привокзальных касс, чтобы купить билет на обратную дорогу...

Ася вошла в свою квартиру, показавшуюся ей пугающе унылой и ненужной, не раздеваясь, легла в спальне на широкую холодную постель. В сумраке вечера ее разбудил тихий шепот. Это вернулись дочь и сын. Ребята тревожно смотрели на нее. Ася попыталась улыбнуться, сдерживая нахлынувшие изнутри слезы. Она прижалась к детям, вдыхая морозную свежесть их одежек, и тихо сказала:

— Как хорошо, что я дома и что у меня есть вы...

Ирина Фоменкова

День рождения

(рассказ)

Алексей шел на день рождения своего сына. Уже давно, после развода с Лялей, он был «приходящим» папой, но привыкнуть к этому так и не смог.

Сначала он думал подарить Сергею на его шестнадцатилетие большую, умную, хорошую книгу, которую давно присмотрел, но потом побоялся оказаться в очередной раз "белой вороной" среди родственников бывшей жены и приготовил значительную долларовую купюру.

Дверь открыл сын. До Алексея донеслось шумное разноголосие гостей, музыка, вкусные запахи предстоящего застолья.

- Здравствуй, сынок, поздравляю, - скупое проговорил он, неуклюже обнимая переросшего его крепкого парня, и, перехватив его руку, сунул в ладонь деньги.

- Спасибо, - как-то невыразительно сказал Сергей, развернул деньги,

- спокойно сложил и засунул в карман новеньких джинсов.

Природа чудесным образом сотворила на лице сына нос, губы, подбородок Алексея. И только глаза, серые, холодные, повторяли настороженный взгляд его матери. Алексей хотел по привычке спросить: "Ну, как ты?", - но тут же понял неуместность вопроса, да и раздался новый звонок, отвлекший сына. Пришли старые друзья их дома – Семен и его жена. Они неторопливо отдали Сергею деньги, словно извиняясь, что не могут дать больше. Алексей поймал себя на мысли, что не вправе что-то осуждать в этом доме, где он уже давно не хозяин, да, собственно, никогда им и не был.

Выбежавшая в прихожую хорошенькая, раскрасневшаяся Ляля, так и не вышедшая второй раз замуж, сразу приняла такое же выражение лица, как у сына: готовность терпеливо выдержать его присутствие. Он все понял, но из-за последней длительной командировки так давно не видел сына, что решил остаться. Хорошо, что Семен разрядил неловкую паузу: подхватил Алексея, заняв ни к чему не обязывающим разговором.

Гости за столом все громче шумели, каждый о своем, почти позабыв, по какому поводу собрались. В перерыве между однообразными тостами и пожеланиями здоровья и денег (а остальное купишь!) Алексей попытался

поговорить с сыном. Но если с маленьким Сережей их встречи были кратковременными праздниками (Алексей улыбнулся, вспомнив, как Сережа ему говорил: "Когда тебя нет, у меня на душе война, а когда ты приходишь – День Победы!"), то теперь Алексей с болью чувствовал, что говорить им не о чем. И на вопрос сына, почему он так долго не приходил, с радостью, ухватив ниточку разговора, начал рассказывать о своей последней журналистской командировке, но в глазах сына было такое напряженное внимание, словно слушание – это непосильный труд. Алексей осекся. И вдруг ему захотелось хоть чуть-чуть "приблизиться" к сыну, и он стал вспоминать, как когда-то отмечал свое шестнадцатилетие. Мама Алеши была замечательной выдумщицей. День рождения, как обычно, превратился в день сюрпризов. Найти заветный подарок можно было, предварительно разгадав кроссворд. На стене в этот день красовалась длинная праздничная семейная газета. Каждый год в день рождения к ней, как в знаменитом египетском папирусе, добавлялся новый лист с веселыми дружескими шаржами, пожеланиями. Потом пришли друзья с целым спектаклем в его честь. Отец с гитарой в руках садился в общий круг и тихо пел: "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!"

Алексей замолчал, вспомнив, что в такие минуты у него возникало ощущение единения с друзьями. Его охватывало чувство той особой радости бытия, когда казалось, что все в этом мире такие же, как эти люди, окружавшие его, - красивые, добрые. И что все желают ему добра, а он им – счастья!"

Он резким движением головы стряхнул с себя нахлынувшее юношеское безбрежье чувств. Встретив взгляд сына, ужаснулся: в нем смешались зависть и удивление, боль и тоска... Этот взгляд судил его, Алексея...

Где-то внизу раздался свист и крик:

- Серый!

Сергей выглянул в окно, махнул рукой и крикнул через головы гостей:

- Мама! Я - на улицу.